

Я освободил голову от мыслей и позволил инстинктам взять верх. Мои легкие сжались. Я выдохнул в клокочущий декабрьский воздух. Вокруг меня были зрители, скандирующие, ревушие и размахивающие флагами. Мои бутсы вонзились в траву, а футбольный мяч покотился передо мной.

Французский защитник бросился в подкат, шипы под его бутсами были готовы забрать мяч или сломать мне лодыжки, в зависимости от того, что позволит его команде победить. И если ему это, скорее всего, обошлось бы только красной карточкой, то моя карьера, без сомнения, закончилась бы.

Я вдохнул, перепрыгнул через его ноги, унося с собой мяч, и выдохнул. Толпа разразилась оглушительным ликованием, словно желто-голубая волна, которая выкрикивала мое имя, прославляя его восемь букв в высоком небе.

Кампиньо!", "Кампиньо!", "Кампиньо!"

Позади меня спешили догнать игроки, как из моей, так и из противоположной команды. Вот только моя скорость и темп создали между нами пропасть. Горячий прилив адреналина накачал меня силой.

Осталось только двое. Трое, включая вратаря.

Я был уверен в себе. Я делал это раньше. Часами тренировок, до поздней ночи, оттачивая свое мастерство. Это была моя жизнь. Пот. Трава. И этот мяч. Он определял мое существование, мое имя.

Зная, что отбирать у меня мяч в игре 1 на 1 - глупое занятие, оба защитника набросились на меня, как разъяренные быки. Они давили на меня, заставляя отступить или передать мяч кому-то другому.

Но я был один, и меня было не запугать.

Поэтому я сделал то, что умел лучше всего. Я обманул их.

Я сделал финт влево, один из защитников скопировал меня, чтобы зафиксировать на месте, и я тут же перешел вправо. Это был такой плавный и быстрый переход, что он чуть не свалил его на землю.

Последний защитник больше не мог ждать и совершил ошибку, закрыв меня, войдя в мое личное пространство - мою территорию.

Я обошел его, проскочив мимо его плеча, чтобы забрать мяч, который проскочил прямо между его открытыми ногами, и помчался быстрее. Мне не нужно было смотреть на гигантские часы стадиона. Я внутренне понимал, что времени осталось совсем немного.

Шла вторая половина игры. Счет? 2-2.

Французский вратарь встретил меня на полпути к штрафной. Его взгляд был прикован ко мне, как у орла, который вот-вот сорвется и сожрет свою добычу. Он присел, широко раскинув руки.

Он внезапно бросился за мячом, вытянув руки.

Я отбил мяч, переложив его на левую ногу, и оставил вратаря пробовать траву на вкус.

Стойка ворот была пуста. Прекрасное зрелище.

Вид гола.

Я топнул левой ногой вперед, а затем нагрузил правую. Не нужно было переусердствовать. Легкое касание бутсы привело бы к тому, что мяч оказался бы в сетке.

Ну что?

Я посмотрел вниз и обнаружил, что я... все еще бегу?

Боль пронзила мое сердце, и я не смог уловить вырвавшийся из моих губ вздох. Колени больше не держали меня, и внезапно идеальный контроль над ногами подвел меня.

Падения во время игры не были чем-то необычным. Между захватами, постоянными столкновениями с защитниками и неудачными розыгрышами на высокой скорости, не меньше - даже мне было сложно устоять на ногах, не кувyrкаясь по земле, как не скоординированный дурак.

Но "это"... было другим.

Боль обострилась, казалось, разрезая мою душу. Я задыхался, с трудом глотая кислород. Мяч был рядом с моим лицом, и даже при слепящем свете прожекторов, освещавших стадион, я мог отчетливо разглядеть каждую деталь этой однотонной кожаной сферы.

Скандирование стихло, и, казалось, наступил хаос.

Что происходит?

Вратарь бросился ко мне. "Черт... я должен... забить...".

Бразилия была так близка к тому, чтобы в шестой раз поднять трофей Кубка мира.

Вопреки моим ожиданиям, французский вратарь не стал забирать мяч, чтобы возобновить игру. Он упал на колени рядом со мной, бормоча что-то на смеси ломаного английского и французского. В его голосе слышалось беспокойство.

Я даже не мог разглядеть его лица, прожекторы позади него затмевали его, как луна перед солнцем.

Толчки не прекращались, посылая в мое сердце жгучие, пульсирующие пули чистой агонии. Я корчился, выгибаясь, сжимая руками грудь, словно пытаюсь унять боль в ладонях.

Я поднял голову, пот заливал глаза.

Меня окружала стена желто-голубого цвета. Французский нападающий коснулся моего плеча, не зная, что делать. Он пытался поднять меня, а один из моих товарищей по команде разжимал мне рот, пытаясь достать язык или любое другое препятствие, мешающее мне правильно дышать.

Тщетная попытка. Проблема была в другом.

Голос заговорил громче остальных, вызывая медицинскую бригаду.

Затем подключился рефери, и шум толпы становился все громче и громче.

Я не мог видеть их лица.

Я не мог слышать их голоса.

С каждым ударом мое сердце сжималось, а пауза между ними удлинялась.

Один удар.

Два удара. Меня трясло направо и налево, поднимали, а потом осторожно укладывали на носилки.

...

...

Три удара.

Моя рука перекинулась через край носилок, и пальцы задевали траву, пока меня несли в фургон скорой помощи. Темнота закралась в уголки моего зрения. Постепенная потеря его пугала. Это не было внезапным погружением во тьму, наоборот, меня как будто вводили в нее.

Боль утихла, отдаваясь в моих нервах, как далекое эхо.

Осталось лишь странное чувство страха и комфорта, дихотомия, которая убаюкала меня и погрузила в глубокий сон.

Мое сердце боролось за то, чтобы сделать еще один удар, еще одну секунду жизни.

А потом - ничего.

—⇒ □□□ ⇐—

"Дети, завтрак готов! Спускайтесь!"

Я проснулся, задыхаясь, с тягучей болью в груди и с молотом в голове. От этого сочетания в желудке что-то забурлило. Желчь поднялась вверх, обжигая горло. Я облокотился на край кровати и выпустил все наружу.

Затем последовал приступ кашля, и пульсация в моем черепе ослабла до терпимого уровня.

Я уставился на свои руки, дыхание по-прежнему было затрудненным.

Я не мог понять...

"Я забил? Мы выиграли...? "

Я моргнул, ошеломленный. Я загибал пальцы, поворачивал руки, ощупывая их. Они не принадлежали мне. Не та эластичность. Не тот оттенок кожи. Они были меньше, вены менее заметны.

Где я находился?

Я заметил комнату. Половина ее была погружена во тьму, другая половина ярко освещена солнцем. Проблема была в том, что это была не моя комната. Я жила в пентхаусе, а не в этой спальне 4 x 6. Мое постельное белье, дорогие белые простыни сменились на эту зеленую мерзость подо мной.

"Тебе лучше спуститься сюда, а то еда пропадет!"

громкий голос доносился снизу, проникая сквозь толстые слои бетона и сохраняя при этом женскую шелуху. Это было еще одной проблемой. Кем бы она ни была, она говорила по-корейски. Но дело было не в этом. Главное, что я мог ее "понять".

Я сыграл пару товарищеских матчей против их сборной, и поэтому уловил несколько слов. Достаточно, чтобы произвести впечатление на людей, но не до такой степени, чтобы поражать воображение.

В голове зазвенели тревожные колокольчики.

Я тут же соскочила с кровати и босыми ногами подошла к стоящему рядом зеркалу. Я была такой... слабой. Страх схватил меня за горло, и в тот момент, когда я оказалась в отражении стекла, мои глаза широко распахнулись.

Кто это был?

Уж точно не я.

Я поднял руку и увидел, как мое отражение делает то же самое. Я коснулся своего лица. Оно было нежным и гладким. Лицо мальчика, а не мужчины. Косичка беспорядочных темных волос едва не падала мне на глаза.

Я ничего не мог понять.

Что, черт возьми, происходит?!

И тут меня пронзила острая боль, вены на висках вздулись и запульсировали под горячими волнами. В голове пронеслись чужие воспоминания. Перед глазами в рваной последовательности промелькнули серые воспоминания о прошлых событиях.

Я где-то плакал, вокруг меня стояли люди в черных одеждах и возносили искренние молитвы усопшим. Мои родители.

От свечей шел дым.

Я заплакала еще сильнее.

Они были мертвы...

...

Еще одно воспоминание подскочило. "Идем! Рука легла мне на плечо, ободряюще сжав его. Поздоровайся со всеми! Три женщины идеальных пропорций - каждая из них была воплощением азиатской красоты - стояли перед моим молодым, ослепленным собой человеком.

Зрелая женщина, одетая в бордовое платье, облегающее ее пышное тело, вышла вперед, сцепив руки.

На ее лице сияла прекрасная улыбка.

Я упал на колени, уперся руками в холодный пол. Кто такой О Дэ Хо? Голос, затаившийся глубоко в глубинах моего сознания, ответил. Это я. Я - Тэ Хо".

Но я также и Жаир Кампиньо...

Больше нет.

Я смутно припоминал, что Тэ Хо запомнил 20 лет. От младенчества до зрелости. Эмоции, связанные с этими воспоминаниями, были размыты.

Мои родители были мертвы. Они погибли в автокатастрофе. Осиротев в 13 лет, я попал к другу отца. Это было трагическое обстоятельство, с которым Тэ Хо смирился. За жизнерадостной улыбкой его преследовала тень печали.

"Тэ Хо..." прошептала я. "Ты - не я, но я - это ты".

Я умерла. Вот что произошло. Теперь я понимал. Думать об этом было неприятно, тем более когда я был еще жив.

Свежий ветерок с поля. Рев зрителей. Адреналин от забитого гола. Восторг от того, что твоё имя поют тысячи зрителей.

И вот в самый важный момент, на самом важном турнире, на последних минутах финального матча я умер. Спринт, начавшийся в центре поля, дриблинг, пробивающийся сквозь стену защитников, включая вратаря, закончился тем, что я рухнул перед пустой стойкой ворот.

Я усмехнулся. Вот это шутка.

Воспоминания были настолько яркими... фантомные боли даже преследовали меня в этой новой жизни.

Я был захватчиком в этом мире, в этом теле.

Тхэ Хо... что с ним случилось?

Неужели он умер из-за меня?

Такой невинный юноша, обремененный трагедией, не смог найти даже крупицы счастья.

Я медленно поднялся на ноги. Благодаря тому, что Тэ Хо хорошо знал дом, я быстро нашел все необходимое. Ванная, чтобы умыться, и смена одежды - на мне было только неудобное тесное белье.

У этого парня не было стиля. Но, опять же, он не был богат, как я.

Размышляя о своем будущем в этой стране, я наткнулся на кого-то в коридоре. "Хм?"

"?"

Я вспомнил ее. В моих воспоминаниях у нее были черные волосы. Сейчас она красилась в разбавленный блонд. Она не была красивой. От нее захватывало дух. В прошлом я встречал немало великолепных девушек, но эта девушка словно была нарисована рукой Бога. 2

Она была высокой, но не слишком. Это был идеальный стандарт. У нее была фигура "песочные часы", которая, скорее всего, была результатом генов, диеты и тщательных физических упражнений. Одежда, которую она носила, была тесной, обнажая полоску светлой кожи на животе. Особенно сильно ткань натянулась на груди и бедрах.

Она смотрела на меня, держа зубную щетку во рту.

У меня в голове всплыло имя. Ча Миа, старшая дочь семьи, которая меня удочерила. Я поприветствовала ее кивком. "Доброе утро... Миа Нуна".

Она приподняла одну бровь и достала зубную щетку. "Доброе утро". Ее сочные, блестящие губы изогнулись в красивую дугу.

Я не знал, как вести себя с ней. Личность Тэ Хо не влияла на мою, и я не собирался изображать из себя тупого неопытного мальчишку.

Ча Миа не сводила с меня глаз, пока я спускался по лестнице.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/101998/3514733>